
Классификация звуков в фонетических трактатах Древней Индии*

В. ВИДУНАС

В статье анализируются обстоятельства возникновения и использования в трудах древнеиндийских фонетистов (пратишакхья) специальных перечней звуков. Система расположения звуков основана на их артикуляционных особенностях и носит осмысленный характер, в отличие от известных нам древних систем письма. Само появление и функционирование таких перечней свидетельствует о способности ведийских жрецов дробить текст на мельчайшие составные части, что может быть связано с ритуальными действиями во время жертвоприношения. Древнеиндийские фонетические трактаты и относящиеся к ним перечни звуков были подчинены дидактическим нуждам обучения правильной рецитации сакральных текстов и носили устный характер. Выявление звуковых единиц как составляющих частиц языка в индийской культуре долгое время не было связано с их графическим изображением.

The paper investigates into the circumstances in which classifications of sounds emerged and began to be used in the works of Ancient Indian phoneticians. The classifications of such kind from the first half of the 1st millennium AC come into service in *prāṭiśākhya*s – ancient phonetic treatises. The position of the sound is based on the features of its articulation and is purposeful as opposed to the renowned ancient systems of writing. The appearance and the usage of such enumerations give evidence of the ability of Vedic priests to split up the text into the finest component parts and this could be related to the ritual actions during sacrifice. The phonetic treatises of Ancient India and classifications of sounds related to them were subjected to the didactic needs. The main purpose of them was the training of the proper recitation of sacred texts and they were of oral nature. The separation of the sound units as constituent elements of the language in Indian culture for a long time was not related to their graphic representation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: древнеиндийская фонетика, ведийский канон, пратишакхья, классификация звуков, артикуляция, звуковые единицы, устная традиция, континуальность, дискретность.

KEY WORDS: Ancient Indian phonetics, Vedic corpus, *prāṭiśākhya*, classification of sounds, articulation, sound units, oral tradition, continuity, discontinuity.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-03-00547 – “Атомизм и мировая культура”.

© Видунас В., 2014 г.

Хорошо известная всем изучающим индийские языки схема-матрица расположения звуков, вероятно, начала складываться еще во времена оформления ведийского канона (приблизительно X–VIII в. до н.э.¹). Завершение этих процессов авторитетный санскритист М. Дешпанде датирует приблизительно 700 г. до н.э., подчеркивая при этом, что имеет в виду упорядоченное изложение санскритских звуков вне связи с какой-нибудь формой письма [Дешпанде 1997, 35, 38]. Из источников, которые сейчас доступны исследователям, такие перечни звуков впервые представлены в пратишакхьях (*prāṭisākhya* – “относящийся к каждой из *śākhā*”, то есть каждой из ветвей священного знания) – древнейших фонетических трактатах, приписываемых, соответственно, каждой из сохранившихся ведийских самхит. Следует отметить, что эта схема-матрица расположения звуков позднее легла в основу письменных систем многих языков (в том числе и неиндоевропейских) в различных странах Азии – от Шри Ланки до Монголии².

Корпус вышеназванных фонетических трактатов оформился приблизительно с VI по II в. до н.э. Каждая из сохранившихся пяти пратишакхья относится к определенному ведийскому тексту. Среди наиболее древних называется “Ригведа-пратишакхья” (РПр), относящаяся к Ригведе и предшествующая грамматике Панини³. Таким образом, в РПр мы находим предположительно самый древний нам известный перечень звуков древнеиндийского языка (отметим здесь, что в относящейся к Черной Яджурведе “Таитирия-пратишакхья” (ТПр) перечень отсутствует). Этот перечень несколько отличается от известного списка звуков классического санскрита. Классификация звуков, наиболее близкая нынешней, представлена в “Ваджасанейи-пратишакхья” (ВПр), относящейся к Белой Яджурведе. Однако, перечень РПр составлен в основном по тем же принципам, когда позиции звуков определяются их артикуляцией (краткие гласные, дифтонги, долгие гласные, пять рядов смычных согласных, сонанты, щелевые). Таким образом, мы имеем здесь дело с мотивированным и осмысленным расположением звуков в отличие от известных нам списков греческого и латинского алфавитов.

Вероятнее всего, эти перечни изначально не входили в состав текстов названных трактатов. В РПр перечень помещён во вступительной главе и не соотносён с традиционным делением текста на сутры. Перечень ВПр находится в заключительной главе, что тоже позволяет предположить его позднее включение в состав памятника. Интересно, что в других трактатах перечни либо отсутствуют, либо представлены в измененном виде. Как уже упоминалось выше, перечень отсутствует в ТПр, не приводится он и в “Атхарваведа-пратишакхье” (АПр). Но само содержание любого из названных трактатов предполагает существование такого перечня. Наиболее наглядным в этом отношении является текст ТПр, где уже со второй сутры начинается обсуждение артикуляционных особенностей звукового состава таким образом, будто перечень звуков был только что оглашен⁴.

Терминологически перечень называется либо *rāṣi* – “набор, совокупность”, либо *samāmnāya* – причастие долженствования от *sam-ā-mnā* “повторять, запоминать”, то есть буквально – “запоминаемое, что следует запомнить”. Последнее определение явно указывает на специфику таких перечней – они запоминались и передавались изустно наподобие того, как мы с детства заучиваем азбуку родных языков. Поэтому наличие или отсутствие таких перечней в самих текстах трактатов не является существенным (то, что считалось известным, можно было и не приводить – просто ссылаться, что наглядно показывает пример ТПр). Вся традиция предполагает существование таких классификаций – с небольшими вариациями внутри каждого перечня, но с неизменным соблюдением общего принципа, основанного на особенностях произношения (артикуляции). Вне зависимости от того, существовали ли эти перечни в текстах изначально или были добавлены позже, они явно носят древний характер и наверняка предшествовали самим текстам пратишакхья, включая и наиболее древнюю из них РПр. Существование такого рода классификаций указывает на то, что древнеиндийские творцы и хранители сакральных ведийских текстов обладали способностью расчленения изначального текста на самые мелкие составные части – звуковые единицы, которые в текстах могут называться разными терминами – варна (*varṇa*), акшара (*akṣara*), брахман (*brahman*)⁵.

Для понимания природы РПр и других текстов такого рода важно учитывать сферу их употребления. Таковой является обучение священному тексту. Поэтому все тексты носили сугубо практический характер – при помощи их текст буквально “ставился” – то есть закладывался в память обучаемого со всеми существенными особенностями произношения.

Ригведа дошла до нас в двух редакциях – наряду со слитным текстом самхита (*saṃhitā*), где слова преобразуются в соответствии правилам сандхи (*sandhi*), имеется и редакция падапатха (*padapāṭha*), где текст разделён на отдельные слова по их морфологическим признакам. Большинство исследователей согласны во мнении, что возникновение редакции было обусловлено дидактическими нуждами – со временем малопонятные слитные тексты все труднее усваивались новыми поколениями ведийских жрецов⁶. Можно с уверенностью сказать, что образование редакции падапатха было первым расчленением слитного, континуального текста на дискретные единицы – словоформы. Следует иметь в виду, что сакральный характер в ведийской культуре придавался именно слитному, непрерывному тексту (самхита). Именно текст самхита имел статус сакрального знания, полученного путём откровения шрути (*śruti*) – “услышанное”, “воспринятое на слух”.

В свою очередь, в РПр в качестве исходного материала берётся уже текст падапатха. Основная задача, которую решают все фонетические трактаты такого рода, – это переход от одной редакции к другой, то есть главный вопрос в том, как, исходя из падапатха, получить правильный и – особенно важно – адекватно звучащий текст самхита. Считалось, что только правильно произнесенное сакральное Слово способно установить желанную связь с миром богов, соединить профаническое с сакральным. Американский лингвист М. Эмену отмечает, что ведийская религия была основана на текстах, которые не могли меняться с изменением мира – это заставило древних индийцев стать очень точными фонетистами еще в те времена, когда другие народы даже не начинали двигаться в этом направлении [Эмену 1980, 19]. Решая практические задачи адекватной передачи ведийских текстов и сохранения их изначальной звуковой формы, ведийские риши неизбежно углублялись в звуковой состав языка, что привело к появлению перечней звукового состава – предельных единиц, составляющих священную Речь (Vāc).

Принципы такого расчленения обнаруживают себя и на мифопоэтическом уровне. Таков мотив расчленения священной речи в Ригведе (РВ) 10.71.3 (перевод Т.Я. Елизаренковой; [Елизаренкова 1999, 206]):

С помощью жертвы пошли они по следу Речи.
Они обнаружили, что она вошла в слагателей гимнов.
Принеся ее, они разделили ее между многими.
Семеро певцов вместе приветствуют ее криками.

Или же получение священных ведийских текстов из жертвоприношения космического гиганта Пуруши в знаменитом гимне РВ 10.90.9 [Там же, 236]:

Из этой жертвы, полностью принесенной,
Гимны и напевы родились.

О тождестве жертвоприношения с действиями древнеиндийских слагателей и хранителей священных гимнов, то есть “грамматиков” в широком смысле этого слова, в свое время высказывался В.Н. Топоров: “Как и жрец, “грамматик” расчленяет, разъединяет на части первоначальное единство, целостность (текста, соответственно жертвы), идентифицирует разъятые элементы (т.е. определяет природу этих элементов через установление системы соответствий с элементами макро- и микрокосма), собирает воедино, синтезирует в новое единство более высокого плана эти элементы” [Топоров 1985, 10]. Можно предположить, что разложение священного языка на составные элементы уже изначально воспринималось как сакральное действие, сопоставимое с актом жертвоприношения богам, – основным сакральным действием ведийских ариев.

Одновременно создавался и метаязык для описания явлений языка, в том числе и разные фонетические термины. Интересно отметить некоторые особенности этой терми-

нологии. Уже для обозначения гласных употребляется термин *svara* (*svara*) – “звук, тон”, возводимый к глагольному корню *svar*, “звучать”. Согласные обозначаются термином *vyāñjana* (*vyāñjana*) – “проявляющий, обозначающий”, который, в свою очередь, возводится к глагольному корню *vyāñj* – “умазать, проявлять”. Можно отметить тут некоторую древнеиндийскую рефлексивность континуальности – того, что звучит (*svara*), – и дискретности, когда звучание прерывается и таким образом проявляется, обозначается (*vyāñj*).

Следует особо отметить устный характер данной традиции. Все тексты ведийских самхит и вспомогательные сочинения передавались изустно. На устный характер РП и других текстов такого рода указывает и специфика изложения материала в метрической форме (шлоками), приспособленная к запоминанию наизусть, и специальные мнемотехнические приемы, приводимые в текстах. Такова мнемотехническая редакция РВ крамапатха (*kramapāṭha*), приводимая в главе X РП, где каждое слово для лучшего запоминания контекстов произносится дважды, сперва в связке с предшествующим словом, а затем с последующим [РП 1869, 211–222].

Устный характер словесной культуры древней Индии долгое время считался, да и сейчас считается одной из аксиом индологии. Первые доступные письменные памятники – это надписи царя Ашоки (III в. до н.э.). О до сих пор не расшифрованных письменных долинах Инда пока говорить нечего: несмотря на разные спекуляции последних лет, мы ничего не знаем ни о характере письма, ни о языке или даже языках людей, которые оставили нам эти знаки. Такие исходные данные известны каждому, кто соприкасается с культурой Древней Индии. Первое известие о записи Ригведы нам сообщает знаменитый ученый аль-Бируни в XI в. н.э., отмечая при этом, что записывание священных текстов порицается брахманским сословием [Бируни 1995, 141–142]. Такое утверждение наглядно показывает, что еще в XI в. в брахманской среде устная передача священных текстов была основной, а записывание считалось греховным.

Несмотря на вышеизложенные хорошо известные факты, в рамках проекта “Атомизм и мировая культура” возникла оживленная дискуссия по поводу возможностей использования письменности в Древней Индии для фиксации и передачи текстов как и самих ведийских самхит, так и вспомогательных дисциплин, к которым относятся и пратишакхьи. Б.А. Захарьин выдвинул гипотезу об использовании древними индийцами гипотетического *protoalfavita*, который мог бы быть занесен торговцами в Индостан в первой половине I тысячелетия до н.э. (см. стр. 171–172). При этом приводится ссылка на мнение С.К. Чаттерджи, согласно которому такой первичный алфавит появился в Индии не позднее IX в. до н.э. Следует, однако, обратить внимание на то, что С.К. Чаттерджи основывает свое предположение на якобы существующей генетической связи между письменностью долины Инда и знаками письма брахми, на которых выполнены надписи Ашоки [Чаттерджи 1958, 70–71]. О письменности долины Инда сегодня нельзя сказать ничего определенного, в том числе и о генетической их связи с другими системами письма. В свете сказанного сама идея о существовании и употреблении в брахманской среде протоалфавита представляется весьма сомнительной. Кроме того, хорошо известна общая установка древнеиндийской культуры на озвученное и услышанное, а не записанное Слово. Поэтому трудно предположить, что у брахманов могла бы возникнуть потребность записывать тексты, которые предписывалось заучивать наизусть. Отметим также, что в текстах древнеиндийских фонетистов нигде не говорится о правописании – если бы такая практика существовала, о ней должны были бы свидетельствовать специальные указания, таков стиль обсуждаемых трактатов.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что возникшие во времена оформления ведийских текстов классификации звуков древнеиндийского языка были устными и имели мнемотехнический характер. Также хорошо известно, что ведийские тексты тысячами передавались и сейчас передаются из уст в уста поколениями брахманских семей.

Не углубляясь в проблематику возникновения письменности на территории Индии, следует отметить, что ведийские риши сумели создать уникальную систему классификации звуков древнеиндийского языка и осознали звук как мельчайшую составляющую языкового потока. Однако долгое время звук не был связан с его графическим изображением и осознавался как некая метафизическая сущность.

ЛИТЕРАТУРА

- Бируни 1995 – *Абу Рейхан Бируни*. Индия. Издание подготовили А.Б. Халидов, Ю.Н. Завадовский, В.Г. Эрман. Москва, 1995.
- Дешпанде 1997 – *Deshpande M. Śaunakīyā Caturādhyāyikā: A Prāṭisākhya of the Śaunakīya Atharvaveda, with Commentaries Caturādhyāyībhāṣya, Bhārgava-Bhāskara-Vṛtti and Pañcasandhi*. Harvard, 1997.
- Елизаренкова 1974 – *Елизаренкова Т.Я.* Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков. М., 1974.
- Елизаренкова 1989 – *Елизаренкова Т.Я.* “Ригведа” – великое начало / Ригведа. Мандалы I–IV. Издание подготовила Т.Я. Елизаренкова. М., 1989. С. 426–543.
- Елизаренкова 1999 – Ригведа. Мандалы IX–X. Издание подготовила Т.Я. Елизаренкова. М., 1999.
- Лысенко 2003 – *Лысенко В.Г.* Уроки устной традиции. Постведийские науки: фонетика и этимология в свете категорий дискретного и континуального / Историко-философский ежегодник 2001. М., 2003. С. 156–158; 167–189.
- РПр 1869 – *Rig-Veda-Pratisakhya, das Älteste Lehrbuch der Vedischen Phonetik. Sanskrittext mit Übersetzung und Anmerkungen. Herausgegeben von Max Müller. Leipzig, 1869.*
- Тавастшерна 2004 – *Тавастшерна С.С.* Загадки санскритского алфавита / Восток – востоковеды – востоковедение. СПб., 2004. С. 143–157
- Топоров 1985 – *Топоров В.Н.* Санскрит и его уроки / Древняя Индия. Язык, культура, текст. М., 1974. С. 5–29.
- Чаттерджи 1958 – *Chatterji S.K.* Linguistic Survey of India: Languages and Scripts / The Cultural Heritage of India. Vol. I. The Early Phases. Calcutta, 1982 (reprint), 1958¹. P. 53–75.
- Эмену 1980 – *Emeneau M.B.* India and Linguistics / Language and Linguistic Areas: Essays by Murray B. Emeneau. Stanford, California, 1980. P. 19–31.

Примечания

¹ Подробнее об этом см. [Елизаренкова 1989, 436–437].

² Очень подробно особенности перечней звуков в сохранившихся пратишакхьях обсуждается в статье [Тавастшерна 2004, 143–157].

³ Хотя вопрос об относительной хронологии этих трактатов не решен окончательно, наиболее древними памятниками считаются Рик-пратишакхья и Таитирия-пратишакхья, подробнее см.: [Елизаренкова 1974, 6–7].

⁴ Подробнее об этом см.: [Тавастшерна 2004, 148].

⁵ Подробнее о понимании и возможной интерпретации древнеиндийских фонетических терминов см.: [Лысенко 2003], а также статью В.Г. Лысенко в настоящем издании.

⁶ Подробнее см.: [Елизаренкова 1989, 477–478].